

© ЭО, 2003 г., № 1

С. С. КРЮКОВА

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА РУССКИХ КРЕСТЬЯН В РОССИИ XIX В.: ПРОБЛЕМЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Право «обычное» или «крестьянское»?

В отечественной и зарубежной исторической науке сложилась устойчивая традиция определения дореволюционного права русских крестьян как «обычного». Этот термин «перекочевал» в работы современных авторов из трудов правоведов, историков и этнографов XIX в. и сегодня, спустя более чем столетие, по-прежнему активно используется не только применительно к русскому, но и к другим народам. За время своего довольно продолжительного, почти двухвекового применения он стал предметом множества теоретических и фактологических интерпретаций в научной и общественной мысли, перманентно сопровождавших формирование законодательной системы и реальные политические процессы в имперской, советской и постсоветской России.

Представители различных дисциплин препарировали и толковали обычное право собственными методами, что в целом не способствовало унификации понятия – ни в терминологии, ни в определении сущности и происхождения, ни в выделении его свойств. Выбирались разные критерии при характеристике его признаков: формальный (неписаное право в противовес писаному – закону), гносеологический (обычное право – предправо, древнейшая ступень в его эволюционном развитии, возникает в результате правотворческой деятельности народа; официальное – продукт законодательной инициативы государства); функциональный (обычное право – живой, реально действующий механизм права, официальное – искусственно созданный схематический образ права) и др. Не последнюю роль играла и позиция самого исследователя, сказывавшаяся на его избирательности и видении исторических фактов.

В последние годы в отечественной историографии наблюдается новый подъем в разработке проблем, связанных с правовой тематикой. При этом качественно изменилось определение права в работах юристов: советская юридическая наука связывала его лишь с установленными государством нормами. Подобный взгляд уступил место принципиально иным парадигмам, значительно расширившим трактовку права. Плюралистические идеи проникают не только в историческую науку, но и в юридические исследования. Причем «научный» плюрализм выразился и в попытках правоведов проанализировать и по-своему классифицировать имеющиеся на сегодняшний день концепции¹. Переосмысление прежних стереотипов в понимании права, в том числе и обычного, дает ощутимые результаты. Особенно интенсивно разрабатываются проблемы юридической антропологии, затрагивающие широкий круг вопросов правовой культуры различных народов². В литературе этого направления, где соединились усилия, преимущественно, этнологов, юристов и историков, термин *обычное право* является общепринятым для обозначения так называемого традиционного типа соционорматики, стадияльно предшествующего государственной или сосуществующего с ней и другими правовыми системами. Нередко обычное («традиционное») право того или иного народа в зависимости от сферы научных (времена-

ми не столько научных, сколько актуально-политических) интересов авторов наделяется специфическими чертами, порой оппозиционными праву государства, и его интерпретация осуществляется сквозь призму этой «особости».

Значительно реже в литературе употребляется термин *крестьянское право*. Он встречался преимущественно в дореволюционных отечественных юридических исследованиях второй половины XIX в. и тоже, как и термин *обычное право*, не имел смыслового единообразия. С одной стороны, под ним подразумевались государственные законодательные нормы, регулировавшие отношения сельского мира России (в этом смысле крестьянское право выступало прообразом современного аграрного законодательства). С другой, он нередко применялся для характеристики повседневной правовой практики крестьян, опиравшейся на обычай и представлявшей собой систему устойчивых общеобязательных норм и представлений. В последнем случае термины *обычное* и *крестьянское право* звучали уже как синонимы, и именно в таком значении в историографии XX в., посвященной русскому крестьянству, прижился термин *обычное право*³.

К XIX в. обычное право русских крестьян уже четко формилось как *сословное*. Оно не являлось антиподом государственного законодательства и развивалось в его фарватере. Тесный диалог общественной практики с законодательными установлениями, носивший мирный или конфликтный характер, безусловно оказывал влияние на складывавшуюся у крестьян соционормативную систему. Подобное понимание обычного права феодальной эпохи было сформулировано в 1980-е годы В.А. Александровым и А.А. Пушкаренко⁴. Специфичность обычного права русских крестьян этого времени заключалась не в принципиальном отличии или противоположности государственному. Она культивировалась стабильной поддержкой самого государства – консервацией сословной правовой обособленности крестьянства, а также наличием у крестьян широкого поля правового поведения, не регулируемого законодательством, но молчаливо, а в конце XIX в. и открыто, путем фактической легитимации, признаваемое последним. В результате сложилась совокупность норм социального поведения крестьянского сословия, которая может быть в равной степени обозначена и как обычное, и как крестьянское право. Однако применительно к рассматриваемому периоду точнее называть его *крестьянским*, поскольку этот термин типологически отграничивает «сословное» обычное право русских крестьян XIX столетия от его разнообразных форм в горизонтальном и вертикальном срезе, в частности, от древней (допотестарной) соционормативной системы; от обычного права многочисленных народов России; от «торгового» обычного права, допускавшегося российским законодательством в международных отношениях.

Автор настоящей статьи под *крестьянским правом* понимает динамичный синтез правовых идей, ценностей, взглядов и представлений, институтов и учреждений, норм, отношений и действий, обычаев крестьянского сословия как особого ментального социума и официального, «цивилизованного» права государства с его инструментарием (законодательством, судебной системой и пр.)⁵. В ходе этого взаимодействия русское крестьянство (а следовательно, и его право) не было однородным. В контактных зонах оно испытывало на себе влияние других народов. Воздействовал на его формирование и ряд иных факторов (религиозный, природно-географический, социальный, внутрисословный, локальный и др.).

Последнее десятилетие XX в. для российской исторической науки – переломный, кризисный период. Традиции и опыт советской историографии в соответствии с запросами новой эпохи выдерживают экзамен на компетентность, испытывая довольно острую конкуренцию с иными нарождающимися концепциями. Своевременным поэтому представляется обобщение накопленного материала, ознакомление с основными подходами к освещению обозначенной темы, подведение итогов и поиск лакун в ее разработке. Выявление крестьяноведческих работ по обычному праву и их анализ могут оказаться востребованными при дальнейшем изучении его сослов-

ного и этнического аспектов. Это имеет самостоятельное значение в компаративистике.

Нижеследующий обзор охватывает в основном наиболее крупные, известные исторические исследования двух последних десятилетий, в которых рассматриваются вопросы правового развития русского крестьянства в XIX в.⁶ Определенно, какие-то публикации выпали из поля зрения автора, не претендующего на микроисториографию проблемы. Чрезвычайно обильны, но к сожалению, трудно доступны малотиражные и местные издания, получившие распространение с 1990-х годов и ставшие отчасти своего рода отражением плюрализма и децентрализации в российской науке. Специального рассмотрения требует огромное число исследований зарубежных авторов, имеющих прямое и косвенное отношение к обозначенной теме. Систематизация материала осуществлялась с учетом взаимосвязанных компонентов права (институты управления и самоуправления, правосудие, правосознание). Они далеко не исчерпывают всех его аспектов, а лишь позволяют остановиться на тех ключевых моментах, которые особенно привлекали исследователей. Разумеется, предложенное деление условно, так как строго дифференцировать перечисленные составляющие довольно сложно.

Институты управления и самоуправления

Крестьянская община

Даже беглый взгляд на отечественную библиографию крестьянского права (да и в целом истории крестьянства или крестьяноведения) позволяет заметить тематическое единообразие: центральное место в ней занимают два основных социальных института – община и семья. В их рамках реконструируются те или иные стороны правового состояния крестьян. Причины наблюдаемого пристрастия ученых заключены и в самой структуре общественного устройства деревни (где община представляла собой «мини-государство», наделенное властью широкими полномочиями в политике и практике управления крестьянским сословием), и в реальной, исторически обусловленной значимости общины и семьи в повседневной жизни крестьян.

Интерес к общинному институту русских проявлялся в отечественной историографии волнообразно. Во второй половине XX в. он особенно четко обозначился к 1960–1970-м годам и достиг своего пика в 1980-е. Активно разрабатывалась история общины, ее генезис, типология и развитие в рамках феодализма. Литература этого периода достаточно обширна и уже неоднократно была предметом аналитических обзоров⁷. Отличительной чертой 1960-х гг. явилось большое внимание исследователей к писаному праву и обсуждение проблем, связанных со становлением ранней государственности и формированием российского законодательства.

В конце 1970-х–1980-е гг. оказалась востребованной иная область научного знания – практика правоотношений внутри крестьянского мира. Община получила разностороннее освещение: и как орган крестьянского самоуправления, и как хозяйственно-экономический союз земледельцев, и как особый тип культурного сообщества. Не будет преувеличением констатировать, что крестьянское право во многом было «общинным»: общество вырабатывало эталоны моральных и правовых норм, обеспечивало их реализацию, формировало правосознание крестьян. Особенно плодотворные результаты были достигнуты в реконструкции крестьянского землевладения и землепользования, роли общины в организации и регулировании земельных отношений. Приоритетным направлением в советской науке было исследование социально-экономических отношений, причем «социально» звучало прежде всего как «классово»: интерпретация социальной истории принципиально отличалась от сегодняшней. Понятно, что фундаментальная разработка проблем, связанных с экономикой крестьянского двора, поддерживалась официальной политической доктриной, опиравшейся на марксистско-ленинскую теорию общественного развития, в ос-

нове которой лежал известный тезис «базис определяет надстройку». Однако нельзя не учитывать и того, что традиция основательного изучения аграрной сферы была заложена еще в досоветский период. Весомой причиной этой очевидной диспропорции (преимущественное внимание к материальной культуре) явилась сословно-образующая специфика самого объекта, обусловленная огромной ролью земельных отношений в жизни крестьян.

Крестьянская община XVIII–XIX вв. обстоятельно и глубоко обследована на материалах ряда регионов России (Европейский Север, Сибирь, Центральная Россия) и разных групп крестьянского сословия (монастырское, черносошное, помещичье) в монографиях В.А. Александрова, Е.Н. Баклановой, Л.Н. Вдовиной, И.В. Власовой, М.М. Громыко, Н.Д. Зольниковой, П.Н. Зырянова, Л.И. Кучумовой, Н.А. Миненко, Л.С. Прокофьевой. Характеризуя в целом разработанность темы, следует отметить региональный и хронологический разброс, а также неравномерность в ее освещении: например, дореформенная община Сибири и Европейского Севера в историографии 1980–1990-х годов притягивала к себе внимание ученых более, нежели пореформенная община Центральной России. Не вдаваясь в детальное изложение работ перечисленных авторов, остановимся на центральных проблемах и логике их решения.

Первая группа проблем сосредоточена вокруг вопроса о мере свободы общины в качестве административной единицы и факторах, влиявших на ее управленческую мобильность. Выражаясь иначе, представляла ли община орган демократического самоуправления крестьян или же являлась проводником государственного (и частновладельческого) права, а следовательно, была искусственно сконструированным аппаратом принуждения? Проблема возникновения и генезиса общины еще в XIX в. вызывала острейшие дискуссии. Они привели к расколу историков на два лагеря: защитников «мира» как искони присущего русскому крестьянству самобытного образования и, напротив, сторонников концепции его «государственного» происхождения и моделирования.

В советской историографии 1970–1980-х годов следует особо выделить работы В.А. Александрова, крупнейшего исследователя дореволюционного общественного быта русской деревни. Его монография, посвященная сельской общине в крепостной деревне XVII – начала XIX в., стала первым фундаментальным трудом, раскрывшим на богатом фактическом материале суть и роль этого института⁸. Он акцентировал внимание на положении *о дуалистической сущности общины*, выдвинутом марксистско-ленинской теорией. Являясь своеобразным посредником между властью (в частновладельческой деревне в лице феодала) и крестьянами, община была вынуждена считаться с интересами тех и других, что и обусловило ее общественный и хозяйственный дуализм – сосуществование и переплетение норм официального и обычного права.

Исследовав помещичьи инструкции и мирские приговоры, В.А. Александров впервые показал *неоднородность правового дуализма общины* в среде крепостного крестьянства в средней полосе Европейской части России в XVII – начале XIX в. В отношениях между общиной и помещиком автор выделил три основные линии: вотчинно-полицейский режим (преимущественно в барщинных имениях), общинную организацию управления вотчин (в оброчных имениях) и смешанные формы вотчинно-общинного управления. Каждая из них характеризовалась разной степенью свободы крестьян в решении тех или иных вопросов, что зависело от ряда факторов. Правомерность общины крепостной деревни определялась в первую очередь помещиком. Вместе с тем мнение сельского общества порой играло решающую роль в частных вопросах крестьянской жизни. Максимальные возможности для самоуправления предоставлялись крестьянам в оброчных имениях и, напротив, минимальные – в барщинных. Тем самым автором была показана *зависимость меры правовой свободы крепостной общины от конкретных социально-экономических условий: с одной стороны, от толерантности феодала, с другой, от разновидностей отработочной ренты*.

В другой работе, посвященной обычному праву крепостной деревни в XVIII – начале XIX в., В.А. Александров привлек широкий материал о регулировании хозяйственно-имущественных отношений в крестьянской общине и семье и увидел в них «систему жестко рационально целенаправленную»: объединяющим и определяющим началом обычно-правовых норм при всей их вариативности являлось регулирование материальных интересов, в первую очередь, помещика и государства, а затем общины и семьи. Отсюда вытекала мысль *о специфичности правовой свободы крестьян, ограниченной фискальными интересами общины, государства или феодала*⁹.

Собранные В.А. Александровым интереснейшие сведения о внутренней жизни общины стали основой для глубоких выводов. Одним из наиболее важных явился тезис *о приспособляемости общинного дуализма к конкретным природно-географическим и изменяющимся историческим условиям*, о способности обычного права впитывать в себя новые веяния и трансформироваться. Впервые был показан живой механизм крестьянского права, позволявший лавировать между нормой закона и реалиями деревенского быта. Эта способность проявилась и по отношению к проникшим в деревню товарно-денежным отношениям.

Многие наблюдения В.А. Александрова перекликались с выводами других авторов. Л.Н. Вдовина на материалах монастырской деревни Центральной России первой половины XIX в. пришла к заключению о том, что несмотря на большую самостоятельность общины в поземельных отношениях монастырских крестьян (что позволяло ей своевременно выполнять фискальные обязанности), она также была зависима от степени вмешательства феодального собственника¹⁰.

И.В. Власова поставила вопрос о роли обычно-правовых традиций в системе земледелия и землепользования русского населения Поморья и Западной Сибири. Сравнительно-историческое исследование, выполненное на широком комплексе архивных источников, охватило XVII и XVIII вв. Существенным вкладом в разработку темы послужила аргументация вывода о региональной специфике обычного права и его подвижности в зависимости от природно-географической среды. Автору удалось в деталях проследить изменения в общинах переселенцев (в ходе освоения новых территорий), затронувшие и приемы обработки земли, и состав высеваемых сельскохозяйственных культур, и систему земледелия. Выяснилось, что роль сибирской общины в вопросах, связанных с землепользованием, была слабее, чем в Поморье и в центральных губерниях; это явление было характерно в целом для окраин государства. Община определяла лишь использование «государевой» земли, обеспечивая своевременность платежей и исправное несение повинностей¹¹. Тем самым сибирские крестьяне имели больше возможностей для реализации права землепользования по своему усмотрению, и община в этом отношении утрачивала функцию принуждения и жесткой регламентации.

Решающая роль природно-географической среды в формировании русской крестьянской общины и специфике ее функционирования на разных исторических этапах была положена в основу концепции Л.В. Милова о развитии крестьянского мира. Развиваемая автором в многочисленных работах, она получила наиболее полное, развернутое обоснование в его недавно изданном труде «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса». Автор рассмотрел общину как один из компонентов «выживания» (наряду с крепостным правом) в России, где природно-климатические условия определили минимальный объем совокупного прибавочного продукта. Сквозь призму географического фактора Л.В. Милов охарактеризовал и ее административно-правовые функции: «проблема выживания крестьянского индивидуального хозяйства была актуальна и для общины, основное предназначение которой в этом и заключалось. Именно в силу этой причины и усиливались демократизм общины и ее власть на все категории земель»¹².

Л.С. Прокофьева, перечисляя основные факторы влияния на поземельно-хозяйственную функцию общины, на первое место также ставит природно-географические условия, и лишь затем указывает на традиции, связанные с многовековой дея-

тельностью крестьян, и на экономическую политику помещика¹³. Она исследовала статус сельской общины второй половины XVIII – первой половины XIX в. в крепостной оброчной вотчине Центрально-Промышленного района России. Результаты ее работы созвучны выводам В.А. Александрова о дуализме и приспособляемости общинной организации к социально-экономическим условиям крепостничества. Согласившись с тем, что административно-управленческая структура частновладельческой общины находится в тесной связи с хозяйственно-поземельным устройством и ее положением в рамках вотчины¹⁴, автор акцентировала внимание на том, что демократизм общины, заключавшийся в выборности вотчинно-мирского управления, следует считать условным. Л.С. Прокофьева показала процессы разрастания и бюрократизации управленческого аппарата общины к середине XIX в., падения прежнего авторитета администрации общины и утраты ее демократической основы. Вместе с тем она сделала важное наблюдение, подчеркнув существенную разницу в формировании и деятельности волостного и деревенского управления во второй половине XVIII в.: одновременно с падением значения волостного схода увеличивалась роль частных мирских сходов¹⁵.

Л.С. Прокофьева отметила усилившееся имущественное и социальное расслоение общины к середине XIX в., увеличение числа «капиталистских» крестьян, развитие в их среде отходничества и рост регламентации их частной жизни со стороны помещика. Община превращалась, по ее мнению, во все более замкнутую сословную корпорацию, система управления которой к середине XIX в. переживала застой и поддерживалась мерами принуждения. Ее развитие в указанный период шло по пути «разложения общинного союза» и одновременно его консолидации в политической борьбе крестьян¹⁶.

Основные черты, наблюдавшиеся в общинном самоуправлении к середине XIX в., подтвердились исследованиями пореформенной деревни. К сожалению, история общины во второй половине XIX в. изучена явно недостаточно, причиной чего является, вероятно, сложность и противоречивость периода «великих реформ». Работы А.М. Анфимова, П.Н. Зырянова, Л.И. Кучумовой и О.Г. Вронского отчасти компенсируют очевидные пробелы в разработке этой темы.

А.М. Анфимовым и П.Н. Зыряновым была отмечена нараставшая после 1861 г. демократизация состава сельских сходов: увеличивалась их численность, более пестрым становился возраст участников («омоложение» домохозяев в результате участвовавших семейных разделов), все чаще получали право голоса женщины¹⁷. Реформирование административного аппарата крепостной деревни привело к дальнейшему ослаблению волостной администрации и росту традиционного авторитета малых деревенских сходов. Авторы указывали также на усилившуюся тенденцию вторжения схода в каноны обычного права¹⁸.

Схематично, избегая детализации, описала пореформенную общину Л.И. Кучумова. Следует отдать должное объективизму автора, ее стремлению избегать полярных оценок общинного строя: «неправомерным и ошибочным будет односторонний показ и всеобщего благоденствия в общине... и повседневной конфликтности»; «обычное право, развиваясь, несомненно адаптировалось к новому положению российской деревни после отмены крепостного права»¹⁹. Автор пришла к выводу о том, что и в пореформенный период сохранилась черта, свойственная общине ранее, а именно *приспособляемость к конкретно-историческим и региональным условиям*. Несмотря на усилившуюся регламентацию со стороны законодательства, община продолжала играть роль саморегулируемого социального организма. Более того, Л.И. Кучумова отметила важные свидетельства ее укрепления: увеличение размеров общинного землевладения; восстановление земельно-передельного механизма; выполнение общиной функций, связанных с сохранением и передачей духовных ценностей.

Работа О.Г. Вронского, изданная в 1999 г., резко выделяется среди упомянутых исследований стремлением к ниспровержению накопившихся стереотипов и попыт-

кой кардинально пересмотреть устоявшиеся в историографическом наследии представления о крестьянской поземельной общине конца XIX – начале XX в.²⁰ Настроенный крайне нетерпимо к «романтическим» оценкам этого института (образно называемым автором «священной коровой» российской аграрной политики), историк обрушил поток критики на якобы сложившиеся в науке мифы. В первую очередь это коснулось тезиса о приспособляемости «мира» и его совместимости с экономическим прогрессом. О.Г. Вронский останавливается на отдельных проявлениях всеобщего кризиса в экономике, управлении, правосудии. Агрессивно полемизируя с дореволюционной консервативной мыслью, поддерживавшей идею возможной эволюции и трансформации общинной организации в кооперативный союз, автор всячески подчеркивает неспособность системы сельского и волостного управления к развернувшемуся процессу модернизации. Однозначно негативно охарактеризована им политика самодержавия по культивированию общинного института: она интерпретируется как «традиционный для России и выглядевший к исходу XIX в. глупым анахронизмом государственный патернализм»²¹. Явление «общинности» со знаком минус автор выводит далеко за пределы собственно сельского мира и распространяет на все русское общество и государство. Он подвергает сомнению и наличие такой черты крестьянского демократизма, как общинный коллективизм и приводит выборочные сведения о нарушениях этого принципа в конце XIX в. с целью доказательства «мизерных размеров» проявлений солидарности крестьян²².

Работа О.Г. Вронского представляет собой смелую попытку переосмысления русской истории, и наталкивая на дальнейшие размышления, вероятно, послужит импульсом к развитию темы. Она симптоматично отражает запросы современной эпохи и реакцию научной мысли на злободневные проблемы сельского мира. Тем не менее в ней видится скорее яркая публицистическая защита нового политического курса на частную земельную собственность в деревне, нежели скрупулезный исторический анализ.

Следующая проблема, органично связанная с крестьянским имущественным правом и неизменно притягивавшая к себе внимание исследователей, – это община, общинник и собственность или вопрос об экономической свободе крестьянина²³. Здесь намечилось три взаимосвязанных дискурса: о собственности на землю; о личном и коллективном владении; об уравнительном распределении имущества внутри общины. Обобщив опыт дореволюционной и советской историографии, В.А. Александров пришел к мысли о том, что в масштабах всей страны типология общины определялась различными формами феодальной зависимости и условиями использования земель. Соответственно, и все имущественные отношения внутри общины коррелировались с ее типом. В позднефеодальной России автор выделил *общину с подворно-потомственным землепользованием* (крестьянство севернорусское, уральское, сибирское и часть южнорусского однодворческого, развивавшееся в условиях «государственного феодализма» и составившее сословие государственных крестьян), и *общину передельную* (частновладельческое крестьянство среднерусской полосы)²⁴.

Первый тип отличался от второго большей самостоятельностью крестьян и волею их владельческих прав: они распоряжались пашенной землей по своему усмотрению за исключением регулирования полеводства (последовательности сельскохозяйственных работ на угодьях) – этим ведала община. Функции общины в данном случае сводились к административно-фискальной и полицейской. Очень подробно этот тип общины исследован И.В. Власовой на материалах Поморья и Сибири. Характерной чертой обоих регионов явилось сочетание общинного землепользования с индивидуальным, имевшим характер потомственно-наследственной собственности. С официально отведенными участками сосуществовали земли, полученные путем захвата. Владение ими имело наследственный характер. Общей чертой для поморского и сибирского крестьянства было свободное распоряжение захватными участками. Община регулировала лишь пользование земельным фондом, отведенным государством. Все формы перераспределения потомственной земли отражали правосознание

крестьян, основанное на представлении о собственности на землю, в которую вложен труд²⁵. Меньшая стесненность общинными порядками в Сибири способствовала, в свою очередь, изменениям традиционных приемов в ведении земледельческого хозяйства²⁶.

В центральной полосе России сложилась иная владельческая практика – «уравнительно-передельная». Механизм этой системы был подробно раскрыт В.А. Александровым на материалах крепостной деревни XVIII–XIX вв. Он проследил развитие общинных и частнособственнических тенденций в землепользовании, отметив очевидную слабость лично-имущественного начала в крестьянской среде. Порядок владения и распоряжения землей у крестьян зависел от ряда причин и носил скорее характер пользования, нежели свободного владения с правом отчуждения. Все виды угодий в общине были лишь временно-условной собственностью двора, причем внутри него также отсутствовало четкое разграничение между общим и личным имуществом²⁷. Постоянное перераспределение земли и нивелировка имущественного состояния крестьян с целью обеспечения их податных возможностей сдерживали процесс резкой дифференциации населения, что, впрочем, не означало наличия равенства между общинниками. Тем самым В.А. Александров развил мысль о фактическом отсутствии уравнительности в земельном обеспечении крестьян различных общин, раскрыв реальное функционирование мира на документальных фактах.

Общинная политика переделов, заключавшаяся в уравнивании соотношения между земельным наделом крестьянского двора и его трудовыми ресурсами, как показала Л.Н. Вдовина, в XVIII в. последовательно проводилась и в среде монастырских крестьян центральных губерний России. Здесь представления о собственности были очень слабы и заглушались общиной, пускавшей в передел все виды угодий – усадебную, огородную и даже дворовую землю²⁸. Л.В. Милов, обобщив историю развития русской государственности и выделив важнейшие особенности этого процесса, также констатировал неразвитость частнособственнических начал в крестьянском землепользовании²⁹.

Несколько иная точка зрения была высказана Л.С. Прокофьевой. В отличие от В.А. Александрова, расценивавшего земельное обращение внутри общины как перераспределение участков в зависимости от уровня тягоспособности дворов, Л.С. Прокофьева увидела в нем проявление частнособственнических отношений³⁰. Она заметила, что роль мира в регулировании земельных отношений постепенно ослабевала, уступая место частным сделкам между крестьянами. Перераспределение земельных наделов, фиксировавшееся полюбовными крестьянскими записями и совершавшееся по нормам обычного права, иногда способствовало концентрации земли в руках отдельных крестьян. Вместе с тем, по наблюдению автора, аренда не имела никакого отношения к мобилизации земли с предпринимательской целью³¹.

П.Н. Зырянов на материалах пореформенной деревни обнаружил две основные тенденции в трансформации функций общины, связанных с переделами. В черноземных и некоторых нечерноземных (главным образом северо-западных) губерниях выявилась тенденция к утрате земельно-распределительного механизма. В нечерноземном же центре община, напротив, начинала еще более активно вмешиваться в процесс сельскохозяйственного производства³². В итоге, в общинах, где длительное время отсутствовали переделы, шел процесс образования частной собственности на наделную землю (ее начинали передавать по наследству, отдавать в аренду и даже продавать). Единое в условиях докапиталистической деревни обычное право в новых условиях распадалось на обычай «нарождающейся сельской буржуазии» и обычай «массы крестьянской бедноты», а «затяжная борьба вокруг норм обычного права отражала процесс классового расслоения в деревне»³³.

Оценивая положение крестьян на рубеже XIX–XX вв. как кризисное во всех отношениях, О.Г. Вронский главную причину «зла» видит в том, что «община на рубеже XIX–XX вв. была лишена ценностей, признанных базовыми всеми цивилизованными странами мира, включая, разумеется, и Россию, – свободы и собственности»³⁴.

В 1999 г. в отечественной науке произошло знаменательное событие, обозначившее поворот к «другой» истории России – был издан двухтомный фундаментальный труд Б.Н. Миронова, который смело можно назвать энциклопедией социальной истории России XVIII – начала XX в.³⁵ Впервые в отечественной историографии XX в. было предпринято столь масштабное, беспрецедентное в своем роде исследование. В этой работе искусно аккумулирован и переосмыслен богатейший опыт предшествующих поколений ученых. В обсуждении книги ведущими отечественными и зарубежными специалистами по истории России, развернувшегося на страницах журнала «Отечественная история», уже отмечались ее многочисленные достоинства и отдельные огрехи³⁶. Круг вопросов, поднимаемых Б.Н. Мироновым, чрезвычайно объемён и мог бы стать предметом отдельного подробного историографического анализа и комментария. Остановлюсь лишь на проблемах, имеющих непосредственное отношение к теме данной статьи.

Опираясь на характеристики двух основных идеальных моделей общественных структур («общность» и «общество»), наиболее полно представленных Ф. Теннисом, Б.Н. Миронов предложил целостную картину эволюции крестьянской общины с конца XVII в. до начала XX в. В качестве определяющей тенденции в ее развитии в XVIII – середине XIX в. автор отметил включение общины в систему государственного управления и одновременно превращение ее в сословную корпорацию крестьянства, самодостаточную и обладавшую известной свободой в реализации основных своих функций. Автор называет сложившуюся форму управления *демократией общинного типа* (а также *патриархальной или традиционной демократией*). Ее характерными чертами являлись подчинение главам хозяйств, половозрастная иерархичность (подчинение младших старшим, женщин – мужчинам), приоритет коллективных интересов по отношению к личным и частным, уважение обычаев и нетерпимость к нововведениям. Ее отличие от западной либеральной демократии состоит в том, что последняя не подавляет мнение меньшинства, уважает личную свободу и индивидуальные права³⁷. Б.Н. Миронов развивает мысль о дуализме общины в роли посредника между крестьянином и государством, уточняя при этом различие в ее функциях: с одной стороны, это поземельный неформальный союз, с другой, официальная административная единица.

Б.Н. Миронов обнаруживает изменения в структуре, функциях, правовых основаниях, эталонных нормах пореформенной общины. Он отмечает усиление юридической регламентации ее деятельности со стороны государства и все в большей степени преобразование ее в административную ячейку государственного управления, в результате чего функции общины трансформировались в сторону либо ослабления, либо усиления. Б.Н. Миронов сделал важное наблюдение об изменении структуры межличностных связей в дореформенной и пореформенной общине: если в первой решающую роль в определении статуса личности играли половозрастные признаки, то во второй возростала роль таких факторов, как имущественное положение, общественная должность, образование и др. Попытка ученого генерализировать основные тенденции в развитии общины во второй половине XIX в. сопровождается справедливым замечанием об отсутствии полноценных, исчерпывающих исследований этого периода³⁸.

В разделе об обычном праве Б.Н. Миронов делает шаг вперед, осмысливая это право не только как инструмент разрешения имущественных споров, но и как средство урегулирования любых конфликтов в деревне. Нельзя не признать огромное значение обращения Б.Н. Миронова к уголовному обычному праву русских крестьян. Сфера рассмотрения правового пространства русской деревни в историографии XX в. до недавнего времени была сужена до области земельно-хозяйственных отношений. Этот ошибочный штамп был унаследован из литературы XIX в., которая рассматривала юридические вопросы в рамках законодательной системы российского абсолютизма, разрешавшей крестьянам применять нормы обычая только в гражданских имущественно-наследственных делах. Понимание обычного права только

как легализованного государством явления привело к игнорированию аспектов, относимых к сфере так называемого уголовного права (конфликты с применением насилия, оскорбление словом, воровство, самосуды и пр.).

Местное и центральное управление

Формирование представления о крестьянском праве в широком смысле слова, а не только на его «общинном» уровне, будет неполным и однобоким без обращения к административной вертикали, где община была лишь самой нижней ступенью. В исследовании нуждаются не только формирование норм крестьянского права, но и их трансформация внутри и за пределами общины, их развитие или исчезновение. История институтов местного управления и их взаимодействия с крестьянской общиной остается малоизученной. В 1983 г. была издана работа Н.П. Ерошкина, до сих пор не утратившая своего значения добротного справочника по истории государственных учреждений дореволюционной России³⁹. На протяжении XVIII–XIX вв. система правительственных учреждений, занимавшихся делами крестьянского сословия, развивалась по линии постепенного отделения административных органов от судебных. Автор дал исторический обзор всей иерархической лестницы государственного аппарата, охватив его высшие, центральные и местные структуры.

Имеется также целый ряд правоведческих сочинений, посвященных вопросам местного самоуправления. Среди новейших публикаций следует назвать работы Г.А. Герасименко, Л.Е. Лаптевой, А.Ю. Шутова, В.В. Еремья и М.В. Федорова, Н.В. Постоного⁴⁰. Перечисленные авторы сосредоточили свое внимание на освещении самоуправления в России как структуры, изобретенной и инкорпорированной в общество государственной властью. В целом же работы историков права несмотря на неоднократные критические замечания в их адрес со стороны их же коллег (Е.А. Скрипилева, О.А. Жидкова) грешат прежними изъянами: опора на литературу, а не на источники; преобладание учебных пособий, а не исследовательских трудов; фиксация нормативных актов, а не отражение действительных событий; отсутствие новых методологических приемов и проблемного анализа изучаемых институтов⁴¹. На необходимость дальнейшего глубокого исследования местного управления в России указала Л.Ф. Писарькова⁴². Она же призвала к историзму в его рассмотрении и подчеркнула важность разграничения самоуправления как формы местного управления и самоуправления как воплощения политических устремлений либеральной части русского общества.

В отличие от правоведов историки чаще привлекают для изучения архивные материалы, раскрывая реальные механизмы функционирования институтов власти. Одним из таких удачных, но немногочисленных примеров «оживления» законодательных формулировок является сборник статей «Государственные учреждения России XVI–XVIII вв.» под редакцией Н.Б. Голиковой. В публикациях Л.Г. Кислягиной и Н.В. Козловой приведены конкретные цифры и факты, свидетельствующие о контактах крестьян с институтами верховной власти и об участии самих крестьян в делопроизводстве⁴³.

Любопытные сведения о крестьянах, находившихся на государственной службе в качестве чиновников, содержит работа Т.Г. Архиповой, М.Ф. Румянцевой и А.С. Сенина «История государственной службы в России XVIII–XX вв.». В ней на основе статистических сведений о региональных особенностях комплектования состава государственных служащих с учетом лиц, происходивших «из крестьян», сделано смелое предположение о влиянии социального происхождения жены на карьерный рост мужа (те чиновники, чьи жены были крестьянками, медленнее продвигались по службе, нежели женатые на представительницах более привилегированных сословий)⁴⁴.

Имеющийся очевидный пробел в исследовании целого ряда государственных учреждений, в компетенцию которых входило регулирование крестьянских правоотношений, – поле деятельности не одного поколения историков. Полезным подспорь-

ем для них будут недавно изданные первые тома словаря-справочника «Государственность России» и документированного справочника «Высшие и центральные государственные учреждения России»⁴⁵.

Правосудие

История правосудия крестьян открывает еще один крупный блок проблем, связанных с пониманием правовой культуры России. На сегодняшний день в отечественной науке отсутствуют специальные монографические работы на эту тему. Впрочем, судостроительство и судопроизводство в целом относятся к наименее популярному сюжету в научных изысканиях. На явные пустоты в разработке историко-правовых аспектов судебных преобразований пореформенной России уже указывалось в обзоре Н.М. Корневой (1985 г.)⁴⁶. То же самое можно констатировать и в отношении дореформенной эпохи. Однако именно в 1980–1990-е гг. активизировалось внимание к дореволюционной юстиции. Переустройство современной судебной системы России подтолкнуло интерес к ее институтам в прошлом.

В 1993 г. появилась единственная на сегодняшний день обобщающая работа Н.Н. Ефремовой, посвященная эволюции судебной системы в России в XVIII – первой половине XIX вв.⁴⁷ В ней рассмотрена организация судостроительства России в период формирования и расцвета абсолютизма; собран и систематизирован огромный фактический материал; выделены этапы в развитии органов юстиции, а также сделаны важные выводы о сущности и тенденциях происходивших изменений. Автор использовала главным образом законодательные источники, что наложило отпечаток на характер и содержание наблюдений и выводов: была представлена сугубо формальная версия организации правосудия.

В аналогичном ключе написана и монография М.Г.Коротких, посвященная судебной реформе 1864 г. и по сути являющаяся хронологическим продолжением исследования Н.Н. Ефремовой⁴⁸. Автора интересуют прежде всего предпосылки реформы и ее проведение в условиях абсолютизма, позиция самодержавия и влияние его на этот процесс, роль общественной мысли в формировании судебно-процессуальных институтов.

В 1980–1990-е годы наметилось заметное расширение спектра историко-правовых изысканий, связанных с процессуальным правом и его организацией. История министерства юстиции, полиции России, розыскной службы, адвокатуры, прокуратуры – все эти темы вылились в отдельные работы⁴⁹. Разветвление проблематики исследований пока носит «экстенсивный» характер, и в освоении новых пространств правоведа используют в качестве подсобного инвентаря прежние «юридические» методы и источниковую базу.

Оценка судебных реформ и контрреформ второй половины XIX в., предпринятая в новейших публикациях и диссертационных исследованиях, как правило, осуществлялась в контексте анализа правительственной политики и ее эффективности⁵⁰. При этом ставились и обсуждались такие проблемы, как степень консервативности российского самодержавия в проведении реформаторских мероприятий, хронология судебной контрреформы, причины тех или иных поворотов в политических маневрах самодержавия. В то же время сам объект реформирования – подавляющее большинство населения России – оставался «выброшенным за борт». Проведение реформ, организация и повседневная практика судопроизводства, место крестьянина в общей системе правосудия – все эти вопросы продолжают оставаться открытыми.

Крестьянское правосудие раскрывалось в качестве одной из функций общины: рассматривалась, как правило, юстиция внутри сельского общества, охватывавшая лишь малую часть спорных дел, конфликтов и преступлений. Известно, что в компетенции мира были в основном мелкие гражданские иски. Уголовные дела, а также дела о крупных имущественных преступлениях поступали в вышестоящие судебные инстанции. Внутриобщинные правовые коллизии получили освещение в двух ракур-

сах: 1) анализировались конкретные внутрисемейные или соседские имущественно-хозяйственные тяжбы с целью выявления специфики применявшихся обычно-правовых норм, их отличия от формального права государства; 2) описывались процессуальные тонкости крестьянского суда (организация и состав участников, порядок следственного процесса, система доказательств, способы наказания и пр.).

Наиболее обстоятельно на сегодняшний день изучена практика решения мелких имущественных дел сельскими сходами, где государством допускалось применение обычая. В первую очередь следует отдать должное вышеупомянутым исследованиям общины, благодаря которым в научный оборот был введен богатый исторический материал о земельном праве и семейно-имущественных спорах крестьян в XVIII – начале XIX в.

Вместе с тем явно ощущается потребность в дальнейшем изучении особенностей разных форм суда, где крестьяне выступали и как судьи, и как участники процесса. Некоторый успех в этом направлении достигнут. Так, Н.А. Миненко, в статье, написанной на материалах Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в.⁵¹, осветила основные условия и этапы судебного процесса в деревне: место и обстановку проведения схода, состав участников, элементы предварительного расследования, систему доказательств, способы дознания и наказания. Типичными чертами сельского судопроизводства были внимание к хозяйственным деталям, знание местных условий, учет личных качеств участников суда, огромная роль общественного мнения, опора на обычай, уважение мнения стариков, применение своеобразных способов добывания доказательств (различные испытания, ворожба и др.). Исследование Н.А. Миненко представляет собой добротную основу для дальнейшей многоаспектной и проблемной разработки темы.

Для большинства новейших работ о крестьянском правосудии характерна описательность. Среди них заметно преобладают исследования, посвященные пореформенному периоду. Редким примером аналитического подхода к источникам является статья И.В. Долженко о сельском суде русских крестьян Ереванской губернии в конце XIX – начале XX в.⁵² Не ограничиваясь реконструкцией процесса (выборов судей, приемов расследования, системы доказательств), автор предприняла попытку показать и объяснить его региональную специфику.

Народная юстиция во второй половине XIX в. рассматривалась в основном на примере волостного судопроизводства. При этом оставляет желать лучшего разработка огромного потенциала судебно-следственных архивных документов. Так, Т.А. Тарабанова в ряде небольших статей опирается на собранные в 1870-е годы и опубликованные материалы о деятельности волостных судов на местах. Автор воспроизвела формальную организацию ведения дел: подачу исков, порядок рассмотрения споров, состав участников, систему наказаний и пр. Главное внимание она уделила обычно-правовой подоплеке решений волостных судей. В качестве ее характерных черт Т.А. Тарабанова выделила хозяйственный интерес, определявший возбуждение и решение дела; большую роль репутации при вынесении приговора; систему традиционных «осрамительных» наказаний и искупительное угощение вином; возмещение хозяйственных затрат при решении хозяйственных споров; предпочтительность примирения сторон⁵³. То обстоятельство, что факты были почерпнуты автором из одного вида источников и относятся лишь к 1870-м годам, предопределило некоторую эскизность, поверхностность в изображении судебного процесса, лишенного к тому же исторической динамики.

Немногочисленные публикации, рассыпанные в журналах, сборниках, материалах конференций, главах монографий, не могут залатать прорехи в исследовании крестьянского правосудия, тем более что им присуща разноголосица мнений и интерпретаций⁵⁴. Спорными остаются вопросы о соотношении обычно-правовых норм и официального законодательства в практике волостных судов; значимости, востребованности волостных судов в пореформенной деревне; эффективности их работы. Одни авторы указывают на формирование устойчивой тенденции недоверия крестьян

ян к волостным судам в конце XIX в.⁵⁵, другие утверждают обратное⁵⁶. В вопросе о соотношении обычно-правовых норм и официального законодательства наблюдается единогласие хотя бы в том, что в пореформенный период происходило постепенное вытеснение первых. Различны и оценки уровня судебно-правовой грамотности крестьян, их умения осуществлять полномочия судей, свидетелей и других участников процесса. Характеризуя правовую культуру России XVIII в., Л.Н. Вдовина пришла к выводу о том, что крестьяне, как правило, плохо разбирались в организации и порядке судопроизводства⁵⁷. В.А. Томсинов также отмечал пренебрежение формальностями в юридических отношениях крестьян, сохранившееся и в XIX в.⁵⁸ Более того, он подчеркивал, что «свободное отношение к юридическим формам простиралось в русском народном правосознании до такой степени, что даже форма, освященная церковью, не считалась незабываемой»⁵⁹. Близкую позицию уже применительно ко второй половине XIX в. разводит Т.В. Шатковская: «крестьянский суд оставался прежним, олицетворяя собой разлад между жизнью и законом, демонстрируя дикую сторону народной культуры с остатками суеверия, предрассудков и грубостью нравов»⁶⁰. И.В. Долженко замечает иные качества крестьянского судопроизводства: «Крестьянская наблюдательность, практический ум, хорошее знание вопросов сельского хозяйства и быта обеспечивали, как правило, справедливость при решении дел о потравах, пропаже сена и т.д.»⁶¹. Т.А. Тарабанова, изучив процессуальную сторону деятельности волостных судов, пришла к выводу, что они находились в «поиске рациональных форм»⁶².

Причина подобного расхождения мнений кроется в разном представлении авторов об идеале правовой культуры: одни оценивают ее с точки зрения распространенности среди крестьян «цивилизованной» законодательной нормы, другие – с позиций целесообразности и полезности народного опыта юстиции. Зачастую полярные суждения авторов основаны на выборочных наблюдениях и не подкрепляются глубокой фундаментальной разработкой темы, что также способствует созданию контрастной картины крестьянского суда. Так, С.В. Кузнецов заявляет, что «обычное право было значительно мягче, снисходительнее в своих претензиях к ответчику, чем требования государственного гражданского и уголовного права»⁶³. Это утверждение диссонирует с аргументами Л.И. Земцова, приводимыми в связи с вопросом о воспитательном эффекте общественной порки розгами: согласно его анализу источников, крестьяне настаивали на сохранении этого вида наказания⁶⁴. На фактах жестокости, беспощадности расправ крестьян над преступниками во время самосудов подробно останавливается Т.В. Шатковская⁶⁵. Неодобрительно высказывается в адрес крестьянского правопорядка и О.Г. Вронский, категорически заявляя о наличии обширной законодательной базы и отсутствии реальной власти закона на всем протяжении российской истории⁶⁶. Одновременно автор отрицает и само существование обычного права, внушая читателю мысль о полном беспределе и «обычном бесправии» в российской деревне конца XIX в.

Отрывочность, поверхностность, описательность реконструкций крестьянского судопроизводства сопровождается тенденциозно-субъективным, порой бездоказательным решением традиционного круга проблем. Одной из ключевых остается проблема соотношения обычно-правовых форм судопроизводства и официального суда. Открыт вопрос о предпочтительности и частоте применения той или иной формы правосудия, особенно в пореформенный период, который был и остается центральным для историков. Однако если прежде главным сюжетом была отмена крепостного права, то в последние годы исследователи стали больше внимания уделять детищам реформ – институту мировых посредников, земству, суду присяжных. Диапазон мнений о реальном значении преобразований в судебной системе России весьма широк и варьируется от признания их огромной прогрессивной роли в приобщении деревни к «цивилизованному» правосудию до констатации полной изолированности сельского мира от официального суда. Более того, наличие «пропасти» между городской и сельской юс-

тицией рассматривается некоторыми авторами как одна из причин «легкости» уничтожения старой судебной системы России в 1917 г.⁶⁷

Несмотря на наметившееся в последние годы оживление в изучении пореформенной судебно-правовой системы практически вне поля зрения исследователей остался вопрос о взаимодействии крестьянина и крестьянского права с вертикалью учреждений, подведомственных Министерству внутренних дел и Министерству юстиции. Между тем, по подсчетам А.К. Афанасьева, численность крестьян в составе присяжных по данным за 1883 г. составляла: в Санкт-Петербургской губ. 26,3%, в Московской губ. – 36,9%, а в провинциальных губ. достигала 57,4%. Хотя суд присяжных обязан был руководствоваться законом, практика свидетельствовала о влиянии обычно-правовой крестьянской психологии на вынесение приговоров⁶⁸.

Правосознание

В современном исследовании правосознания можно выделить два основных направления. Одно из них связано с представлениями крестьян о юстиции: о правосудии и справедливости, преступлении и наказании, законах и законности. Другое направление исследований сосредотачивается на изучении общественного сознания крестьянства, реализовавшегося в активных формах протеста (бунты и протесты, погромы феодальных поместий, различные проявления неповиновения и сопротивления властям и пр.) и пассивных формах (составление приговоров, петиций, прошений и подача их в органы местной и центральной власти). Далеко не всегда историки занимались собственно правосознанием крестьян, однако прямо или косвенно их работы раскрывали некоторые его черты, связанные с политической зрелостью крестьян, их правотворческой деятельностью и взглядами на экономические и гражданские права и свободы.

Объединяет выделенные блоки литературы рассмотрение проблем, так или иначе связанных с обсуждением и оценкой уровня правовой культуры крестьянства. Крайние точки зрения прозвучали по вопросу о способности крестьянства к правотворческой деятельности и его политической активности. Различные мнения были высказаны и о юридической грамотности (имеется в виду знание законодательства) и компетентности крестьян в разрешении правовых конфликтов. В своих оценках юридического сознания крестьян современная историография отчасти унаследовала полярность и категоричность суждений «славянофилов» и «западников» XIX в.: одни авторы идут по пути идеализации общины и описания лучших традиций крестьянской, в том числе и правовой, культуры: другие, напротив, критикуют, гипертрофируют ее отрицательные черты.

В качестве примера достаточно привести лишь наиболее типичные позиции: 1) «массовое правосознание (не только крестьянства, но и городских низов) было крайне неразвито, примитивно, весьма слабо отражало либо не отражало вообще основные уголовно-правовые категории, принципы правосудия, существующие в цивилизованном обществе»⁶⁹; 2) «правовая культура пореформенного крестьянства характеризуется наличием комплекса юридических традиций, обрядов, обычно-правовых норм, позволявших оперативно, на месте, в соответствии с особенностями крестьянствования в данном регионе, регулировать хозяйственную деятельность, минуя должностных лиц местной администрации и полиции»⁷⁰.

Нетрудно заметить, что историки и этнографы, опирающиеся на богатый комплекс фольклорно-этнографических источников, глубоко проникая в пласты народной культуры, зачастую не могут устоять перед ее обаянием. Исследования же, охватывающие большие хронологические периоды и нацеленные на выявление общих закономерностей исторического пути России в рамках популярной ныне концепции модернизации и развития «цивилизованного» права, иногда слишком упрощенно, а порой и довольно грубо рисуют образ полуграмотного «архаичного» крестьянина, лишённого способности мыслить категориями права.

Правосознание крестьянства (да и народная правовая культура в целом) как до 1980-х годов, так и после, было далеко не самой злободневной темой в отечественной историографии⁷¹. Как отмечалось выше, наиважнейшими направлениями в исследованиях до недавнего времени были «материальные» аспекты крестьянской жизнедеятельности. Поэтому монография М.М. Громыко «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.» своевременно заполнила очевидную лауну в изучении культуры крестьянства. Отличительная черта этой работы (как, впрочем, и более ранних трудов М.М. Громыко, не вошедших по хронологии в данный обзор) – отход от устоявшегося взгляда на общину только как на производственную единицу с присущими ей поземельными и хозяйственно-имущественными обязанностями. М.М. Громыко существенно расширила границы и обогатила эмоционально-психологическими чертами историческое видение крестьянского мира. Она впервые дала цельную картину *морально-этических представлений русских крестьян*, составлявших естественную и неотъемлемую основу их правовой практики. В качестве основополагающих, определяющих начал в их формировании М.М. Громыко выделила крестьянский труд; семейный и общинный институты; опору на обычай; огромный авторитет старшего поколения; общественное мнение. Собственно правосознанию автор уделила не так много внимания. Однако весьма существенной для понимания мировоззрения крестьян оказалась реконструкция системы общественных (общинных) моральных ограничений и запретов, игравших решающую роль в их повседневности и фактически представлявших источник постоянно воспроизводившегося «живого» права.

Автор пришла к выводу о сочетании единой основы общественного быта русских крестьян в разных этнографических зонах с локальными вариантами обычаев. В качестве причин, обусловивших отклонения от традиционных форм, М.М. Громыко выделила изменявшиеся в результате миграций социальные и географические условия, разный уровень социально-экономического развития отдельных районов, социальную и конфессиональную принадлежность крестьян. Ею был сделан важный, аргументированный вывод о том, что в отличие от социально-экономических процессов сознание крестьянства и общественный быт трансформировались более медленными темпами⁷². Автор использовала огромный массив разнообразных источников, хотя легко заметить ее увлечение материалами второй половины XIX в.

Работа М.М. Громыко «Мир русской деревни», написанная в научно-публицистическом жанре для широкого круга читателей, во многом продолжила предыдущую. Обе они схожи в стремлении автора показать глубину духовной культуры крестьян, самобытность их нравственно-этических воззрений. Отметив склонность прежней историографии к демонстрации лишь «темных сторон и отрицательных явлений» в жизни русской дореволюционной деревни, М.М. Громыко задалась целью раскрыть лучшие черты крестьянского быта⁷³, что несколько и предопределило «лубочность» данного произведения. Правосознание сельского жителя специально и подробно автором не исследовалось (что и не входило в ее задачи), однако были затронуты важные вопросы, имеющие прямое отношение к теме. В разделе «Крестьянин и закон» показана юридическая грамотность крестьян – знание ими официального законодательства и умение им воспользоваться. В главах, связанных с характеристикой общественной деятельности крестьян, М.М. Громыко подчеркивала народную инициативу – своеобразный двигатель обычного права. В исследовании раскрыта позитивная роль религии в миропонимании и повседневности крестьян. Заключение о неразрывной связи религиозной православной этики и крестьянского сознания, в том числе и правосознания, было развернуто в других трудах М.М. Громыко. В них автор фактически возродила в современной отечественной науке традицию историографии прошлого века – изучения религиозности и места православия в духовном мире крестьян⁷⁴.

Огромное влияние христианства на правовые традиции крестьян было подчеркнуто в ряде статей С.В. Кузнецова⁷⁵, развивающего концепцию М.М. Громыко. Пыта-

ья выделить специфические черты, присущие обычному праву, автор идет по пути противопоставления его законодательному. Согласно логике С.В. Кузнецова обычное-правовые воззрения и отношения крестьян обусловлены религиозно-нравственными представлениями, что определяет, по его мнению, существенное различие между обычаем и законом⁷⁶. Автор между тем совершенно упускает из вида то обстоятельство, что и само государственное законодательство складывалось не без влияния религии, церкви и обычного права.

Концепция о неотделимости крестьянского сознания от религиозности, разрабатываемая М.М. Громыко, вольно или невольно вступает в противоречие с концепцией «хозяйственно-прагматических» механизмов их правовой повседневности. Так, Л.В. Милов, отводя решающую роль в формировании менталитета русского крестьянства воздействию природно-климатического фактора, иначе интерпретирует его религиозность, соотнося ее не только с православием, но и с языческим поклонением природе, связывая его в первую очередь с аграрной деятельностью. Солидарен с Л.В. Миловым и С.А. Козлов, посвятивший хозяйственному менталитету крестьян Центрального Нечерноземья в дореформенной России отдельную главу монографии⁷⁷. Чем же в первую очередь руководствовался крестьянин в повседневной правовой практике – соображениями религиозного нравственного порядка или хозяйственными интересами момента? Проблема соотношения религиозности и экономической целесообразности в крестьянском правосознании (а также и в практике) в исторической динамике до сих пор остается открытой. С ней тесно связан еще один вопрос, который тоже пока ждет специального рассмотрения – взаимодействие православия, правосудия и закона в представлениях и практике сельского мира.

В уже упоминавшейся работе О.Г. Вронского было выдвинуто иное обоснование крестьянского правопорядка, весьма далекое от идеалов христианской этики: «Веками настроенная на коллективное выживание община формировала у своих членов правосознание, соответствующее этой сверхзадаче: кради, если это отвечает интересам твоего хозяйства и не задевает хозяйственных интересов общины; не плати долгов, за которые община не отвечает по круговой поруке; убей, если конокрад угрожает общему стаду, поджигатель – тесно прижавшимся друг к другу строениям деревни, колдун – здоровью ее обитателей»⁷⁸. Однако если М.М. Громыко для обоснования своей концепции привлекла колоссальный и разнотипный материал, то О.Г. Вронский ограничился скупой выборкой лишь негативных фактов из дореволюционных публикаций.

Отношение крестьян к суду и закону не было предметом специального исследования, хотя отдельные стороны этой большой темы рассматривались многими. Так, Л.Н. Пушкарев в работе, посвященной духовному миру русского крестьянина в XVII–XVIII вв., остановившись на социальных аспектах его бытия, попытался, в частности, раскрыть сквозь призму пословиц и поговорок синкретичные взгляды крестьян на суд и закон: взяточничество, продажность судей, волокита, несправедливые решения и кляузы – подобные отнюдь не лестные характеристики в устной народной традиции соседствовали с уважением к закону и надеждой на правый суд⁷⁹.

Знание крестьянами законов зачастую рассматривалось как один из показателей их правосознания и являлось наиболее разработанным аспектом проблемы. Правосознанию и правотворчеству различных категорий крестьян был посвящен сборник статей, основанный на материалах XVIII сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории (25–29 сент. 1980 г.)⁸⁰. В ряде интересных и глубоких по наблюдениям статей были отражены многообразные подходы к теме: осмысление ее теоретического и историографического наследия (В.А. Александров, Е.А. Дудзинская, А.А. Пушкаренко); освещение влияния общественного сознания крестьян на законодательную политику и наоборот (А.В. Камкин, В.И. Крутиков, Н.Н. Покровский, П.А. Колесников, А.М. Анфимов, Р.М. Введенский, Л.Г. Захарова); выявление особенностей правосознания крестьянства в зависимости от их внутрислов-

ных различий (Д.И. Раскин, Л.Р. Горланов) и др. Был сделан серьезный шаг к широкому и комплексному изучению крестьянского права.

Поднятые на этом симпозиуме вопросы получили дальнейшее обсуждение в коллективной работе, посвященной социально-правовому положению северного крестьянства. Здесь следует отметить статью А.В. Камкина, заметно выделяющуюся методологической новизной. Исследуя крестьянское правосознание и правотворчество по материалам второй половины XVIII в., автор применил многослойную типологизацию данных, извлеченных из крестьянских наказов, – по содержанию, уровню обобщений, категориям крестьянства, уездам и т.п. Чрезвычайно важным явился вывод автора об активном правотворчестве крестьян (особенно черносошных), нацеленном на «исправление» уже действующего (а не создание нового) законодательства⁸¹.

К настоящему времени наибольшие успехи достигнуты в области изучения политических взглядов и устремлений крестьянства: интерес к крестьянскому движению имеет давние традиции, уходящие корнями в советскую историографию. Безусловной заслугой предшествовавших поколений исследователей было введение в научный оборот огромного массива архивных документов, подтверждавших сопротивление крестьян властям. В 1980–1990-е гг. были применены новые методики обработки фактического материала, иначе интерпретированы прежние источники. В общем потоке литературы последних десятилетий наблюдается повышенное внимание историков к данному аспекту применительно к XX в.⁸² Историографические и источниковедческие итоги освоения темы крестьянского движения в России в XVIII–XIX вв. были подведены Б.Г. Литваком⁸³. Ученый заострил внимание на необходимости и перспективности глубокого анализа эволюции крестьянского сознания, изучении социальной психологии и идеологии крестьянства путем анализа имеющихся данных, а также расширения источниковой базы.

Следует отметить ряд статей и монографий, посвященных изучению социально-политического сознания крестьянства. В работах М.Т. Белявского, А.В. Буганова, Н.А. Миненко, Н.Н. Покровского⁸⁴ рассматриваются взгляды народа на царя и закон, полководцев и своих героев; представления о политических и общественных идеалах крестьян, их настроениях, связанных с отменой крепостничества. Все это в целом немаловажно для понимания и реконструкции их правовых представлений. К очень интересной и малоизученной теме слухов, игравших роль своеобразного механизма передачи и трансформации социальных настроений крестьян, обратился И.В. Побережников⁸⁵. М.Т. Белявский раскрыл особенности социальной психологии и правосознания однодворцев Черноземья и показал, что правотворчеству однодворцев были свойственны специфические черты, обусловленные конкретными экономическими различиями их отдельных групп⁸⁶.

Работы, направленные на изучение политического сознания крестьянства (политические идеалы, взгляды, настроения, требования), неразрывно связаны с анализом представлений крестьян об их экономических и гражданских правах. Они свидетельствуют о деятельном стремлении (именно деятельном в смысле реализуемом в практике движения) крестьянского сословия повлиять на собственное правовое состояние. В результате так или иначе затрагивается дискуссионный в историографии вопрос о социальной пассивности или активности крестьянского населения, в том числе о степени его политизированности, решение которого определило сосуществование в литературе образов крестьянина-бунтаря и терпеливого страдальца⁸⁷.

В 1990-е годы тема крестьянского правосознания получила дальнейшую разработку в русле нового веяния, связанного с изучением комплекса мировоззренческих, психологических и поведенческих компонентов культуры, объединенных понятием *менталитет*. Это популярное многие годы в зарубежной науке направление получило некоторый резонанс и в среде российских ученых. Именно некоторый, поскольку наметившийся всплеск отдельных публикаций о менталитете русского крестьянства не получил дальнейшего развития и не оформился пока в сколько-нибудь

значительный поток, хотя попытки его историографического осмысления в литературе последних лет уже имеются⁸⁸. Несмотря на то, что отечественное крестьяноведение не оперировало ранее понятиями «менталитет» и «ментальность», основы анализа их содержания уже были заложены в ряде известных трудов. Особенно плодотворными среди них являются исследования М.М. Громыко. Хотя до сих пор нет общепризнанных и четких определений «менталитета» и «ментальности» и границы понятий остаются весьма размытыми, бесспорной является их связь с человеческим сознанием и, следовательно, правосознанием.

Плодами довольно скромных научных изысканий в открывшемся направлении стали сборники докладов научных конференций «Русская история: проблемы менталитета» и «Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.)». Среди имеющих прямое отношение к нашей теме публикаций следует отметить статьи Л.В. Даниловой и В.П. Данилова, Л.В. Милова, А.В. Гордона, О.Ю. Яхшияна, Л.Н. Вдовиной и Ю.П. Бокарева⁸⁹. Авторы сосредоточили свое внимание на роли общинного института и земледельческого производства в формировании сознания крестьян, сформулировали закономерности и черты, свойственные их менталитету, заострили внимание на специфическом понимании ими собственности: *взгляд на труд как первоисточник имущественных прав*, предпочтение коллективной собственности, отказ от использования собственности в целях накопления и предпринимательства, совпадение в крестьянском правосознании понятий «собственность», «владение», «пользование» по отношению к земле.

Общие черты менталитета крестьян в XVII–XVIII вв. были охарактеризованы Л.Н. Пушкаревым. К ним автор отнес «преклонение перед природой» как «важнейшую часть мироощущения крестьянина» и тесно связанный с ней крестьянский труд; «искреннее признание и глубокое уважение важности и жизненности общечеловеческих нравственных ценностей»; «бытовую» религиозность; «определенную приземленность интересов», «ограниченность мировоззрения» крестьянства, обусловленную «мелкособственнической идеологией» и его материальными интересами; монархизм; боязнь суда и уважение закона; противопоставление свободы и воли богатству, власти и зажиточности; сильные общинные традиции; большое значение семьи; уважение к «ученому слову», грамотности; опора на обычай⁹⁰. *Обычное право осмысливается здесь как явление крестьянского менталитета*. Автор отводит обычаю большую роль в организации поведения крестьянина, его этики и нравов. Безусловная заслуга Л.Н. Пушкарева – своевременное обобщение и анализ накопленного материала в области исследования духовной культуры крестьянства. Его попытка представить источниковедческие перспективы изучения менталитета русских крестьян будет способствовать активизации усилий историков. В связи с этим будет расширено представление и о крестьянском правосознании.

В 1990-е годы в изучении менталитета российского крестьянства стала проявляться новая важная тенденция – стремление выявить его специфичность в сравнении с менталитетом крестьянства Западной Европы. Переосмысление пройденного Россией пути в связи с наступившей эпохой «великих реформ» конца XX в. задействовало компаративистские методы, что характерно для работ скорее историософского, нежели конкретно-исторического плана. Сравнительный прием часто используется для характеристики именно мировоззренческих особенностей русских крестьян и, как правило, не подкрепляясь глубоким, серьезным сопоставлением и анализом социальных структур, применяется лишь для «косметической» отделки концепций, расстановки акцентов.

Примером подобных общих рассуждений на тему специфики менталитета российского крестьянства служит работа А.А. Вилкова⁹¹. Автор сосредоточил свое внимание на «основных детерминантах» эволюции крестьянского менталитета, справедливо подчеркнув необходимость учета всей их совокупности. Среди важнейших черт, определяющих специфику менталитета и правосознания российского крестьянства, он выделил природно-географические условия хозяйствования на земле (су-

ровость климата, низкая урожайность, огромные территориальные пространства. подсечно-огневое земледелие); семейный характер производства, неизбежность кооперации отдельных семей и длительное сохранение общинного института; негативное влияние монголо-татарского ига (разгром городов, уничтожение основной массы феодалов-землевладельцев, замедление процессов феодализации, «поголовное рабство»); особенности эволюции ренты и феодальных отношений (отсутствие полевой барщины как исторически значимого явления; растянувшийся на несколько столетий по сравнению с западной Европой процесс закрепощения крестьян), своеобразное усвоение христианства («в отличие от Запада, где христианство в основном распространялось снизу, в русских землях оно насаждалось сверху. Это неизбежно привело к его специфическому усвоению, к синтезу языческих и христианских начал»⁹²).

Следует заметить, что постсоветская историческая наука оказалась богатой на концептуальные новации в видении особенностей российского исторического процесса в целом (и не только его «крестьянской» составляющей). Противопоставление «Россия и Запад» стало одним из отправных в его анализе. Оно соединило и продолжило традиции науки конца XIX – начала XX в., прерванные в 1917 г. Упомянувшееся выше исследование Л.В. Милова абсолютизировало решающую роль природно-климатического фактора в формировании различных путей западноевропейской и российской истории. Б.Н. Миронов предложил новейшую интерпретацию различий правового развития России и Запада, проистекавших, по его мнению, не из таких «псевдопричин», как крепостное право или монголо-татарское иго или из воздействия географической среды, а из *асинхронности* происходивших социальных процессов и изменений. Поскольку Россия как государство и цивилизация «родилась» позже, чем западноевропейские страны, то, по мнению Б.Н. Миронова, сравнивать синхронно уровни их социального и политического развития «так же некорректно, как сравнивать мальчика со взрослым человеком»⁹³. Убеждая читателя в «нормальности» российского процесса модернизации, в том, что Россия развивалась по тем же направлениям, что и Запад, автор доказывает единство общечеловеческих универсальных общественных начал, однако следование этой логике не разрешает вопроса о многообразии правовых коллизий на уровне частного. Несмотря на известный скептицизм в отношении эффективности компаративистских синхронных исследований, Б.Н. Миронов активно использует сравнительный метод в своей работе, привлекая для этого обильный статистический материал.

Подводя итоги

Отечественная историография конца XX в. оставила заметный след в изучении права русских крестьян XVIII–XIX вв. Унаследовав от историко-юридической литературы XIX в. ярлык «обычное», крестьянское право получило в работах историков и этнографов весьма обстоятельное, но однолинейное освещение – как общинное, с акцентом на «внутреннюю» управленческую практику общины. Хотя определение сущности и свойств обычного права не отличалось единообразием, большинство авторов понимало его как опирающуюся на коллективный социальный опыт систему норм, соблюдение которых поддерживалось осознанием необходимости и общеобязательности, а нарушение влекло за собой применение моральной и/или материальной санкции.

Пик исследований о правовых функциях общины пришелся на 1980 – начало 1990-х годов. Бесспорная заслуга авторов, публиковавших свои труды в этот период, – фундаментальное изучение хозяйственно-поземельной функции общины, основанное на глубоком анализе массовых архивных источников. Присущее большинству авторов проблемно-ориентированное восприятие истории способствовало возникновению различных интерпретаций одних и тех же явлений и оформлению их в ряд концепций. В центре внимания тех, кто занимался крестьянством и его правовой культурой, ока-

зывались такие острые вопросы как мера свободы общины в качестве административной единицы и факторы влияния на ее управленческую мобильность; общинник и собственность или вопрос о степени экономической свободы крестьян и их коллективизме (индивидуализме); юридическая грамотность и компетентность крестьян в разрешении правовых конфликтов или вопрос о знании крестьянами официального законодательства и его использовании; правотворческая деятельность крестьян или вопрос о степени их социальной и политической активности; место обычных правовых форм судопроизводства и официального суда в крестьянской юстиции или вопрос о степени «цивилизованности» народной юстиции; соотношение религиозности и экономической целесообразности в крестьянском правосознании и правовой практике или вообще взаимодействие различных факторов влияния на правовую культуру сельского мира.

Наряду с расхождениями (порой диаметрально противоположными) в характеристиках отличительных признаков обычного права русских крестьян в публикациях можно наблюдать относительное единодушие в выводах о его общих чертах. В первую очередь это касается признания за обычным правом роли основного инструмента общинного института. Среди прочих присущих ему свойств выделялись сословность; замкнутость, корпоративность; дуализм общинного института, обусловленный его посреднической функцией между государством и крестьянином; плюрализм, вариативность, ситуативность правовой практики; локальность, партикуляризм; приспособляемость к различным природно-географическим, социально-экономическим, историческим условиям; хозяйственно-прагматические интересы как один из основополагающих механизмов формирования норм; сосуществование рационального (соблюдение хозяйственных интересов общины и крестьянского двора) и эмоционального (зависимость от репутации, от общественного мнения); неотделимость правовых представлений от морально-этических, составлявших основу крестьянской юстиции и правовой практики в целом; религиозная окрашенность; коллективность принятия правовых решений; большая роль общественного мнения и старшего поколения в санкционировании норм.

Одновременно в исследованиях нашло отражение региональное, сословно-групповое, конфессиональное и историческое своеобразие обычного права русских. До недавнего времени в опытах его реконструкций постановка проблемы этнической специфики правовой культуры русского крестьянства практически отсутствовала. По-видимому, сами работы на эту тему должны были раскрывать «этничность» априорно, не требуя дополнительных комментариев. Целенаправленные попытки сделать это предпринимаются, в последнее время можно заметить их активизацию, в первую очередь, в работах о крестьянском правосознании и менталитете. «Особенность», присущая российскому крестьянству, в которой и должна была проявиться та самая этничность, объясняется исследователями длительностью сохранения мелкоукладного производства с присущими ему чертами традиционности и сильно развитым общинным началом. Правовое мышление крестьянина рассматривается как производное от общинного, в силу чего оказываются предопределены такие его черты, как преобладание коллективного, общего над семейно-индивидуальным и общесемейного над индивидуальным, неприемлемость для крестьянина частной собственности на землю, взгляды на земельную и другую собственность как на результат своего труда, принцип уравнительности, традиция взаимопомощи, наивный монархизм, иерархичность и авторитаризм общины, интегрированность общинного управления в низшее звено государственного аппарата. Многие из перечисленных характеристик-стереотипов представляются весьма спорными. Кроме того, они обнаруживают гораздо больше сходства с общинным правом других земледельческих народов, нежели с правом других сословий России, в частности, дворянским. Изучение *этнического, национального, религиозного и сословного* компонентов в праве русских крестьян и их соотношения – интересная перспектива для сравнительных исследований, получивших пока вялое развитие в отечественной науке.

С точки зрения методологии рассмотренные работы 1980-х годов за редким исключением образуют относительно однородный пласт в историографии, которому свойственны постановка и решение вопросов о динамике трансформации общины и расслоении крестьянства в привычном русле марксистско-ленинской идеологии, защищавшей экономическую обусловленность правовых отношений («Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»⁹⁴). Отправной точкой в дефиниции общинного обычного права русских являлся его сословно-экономический характер.

Традиционные сюжеты советской историографии 1980-х годов – община, экономика двора (земельное, хозяйственное право), крестьянское движение – продолжали оставаться в поле зрения исследователей и в 1990-е годы. В то же время с 1990-х годов очевидным становится оживление научного интереса к проблемам духовной и политико-правовой жизни русского народа. И хотя «материальные» аспекты крестьянской повседневности остались краеугольными для понимания ее истории, вектор исследований сместился к иным приоритетам. В частности, к необходимости комплексного анализа правовой культуры. Новый взгляд на крестьянское право не только как на совокупность земельно-хозяйственных отношений, а как на единую и одновременно синкретичную систему морально-этических, религиозных, юридических представлений, ценностей, норм и поведения, дал импульс изучению правосознания крестьянина в контексте общинного мировоззрения и миропонимания. Впервые было заострено внимание на особой, стержневой роли православия в формировании правовых установок русских крестьян. Намечается изучение сложного и неоднозначного в своих проявлениях процесса взаимодействия религии, церкви и правовой практики сельского мира. В связи с этим нецелесообразно выискивать лишь «обычно-правовую» экзотику крестьянского сословия. Ошибочна и сосредоточенность на конфликтных проявлениях права. Намного важнее анализ правовой культуры сельского мира в ее целостности.

Нельзя не отметить хронологическую, региональную, тематическую неравномерность в освещении крестьянского права, методологически слабое освоение источников. Ученые проявили заметное единодушие в оценке огромной роли общины в регулировании крестьянских земельно-хозяйственных вопросов. Менее привлекательными оказались другие стороны правовой деятельности общины: административная, финансово-податная, полицейская, судебная и др. Тем самым понимание значения и сущности обычного права было чрезмерно сужено и деформировано. Рассмотрение правоотношений главным образом на материале исторических (архивных и законодательных) документов привело к доминированию «историко-юридического» подхода к имущественному праву. В результате осталась в стороне этнография правовой культуры: символы и ритуалы права, право в обрядовых циклах, право и фольклор, язык права и т.д. Собственно механизм формирования правовых ценностей в семье и общине в процессе социализации крестьянина пока что тоже не исследован во всех его проявлениях.

Правосудие крестьян, выходявшее за пределы общины, не воспринималось как обычно-правовое и автоматически исключалось из круга обозреваемых аспектов. Здесь сказалось влияние историографии XIX в., ограниченной позитивистской политикой абсолютизма, признававшей обычное право только как официально разрешенное для урегулирования гражданских имущественных споров внутри общины «законодательное» обычное право. Помимо того, известная роль общины во всех сферах жизни крестьян также способствовала образованию некоторой диспропорции научных работ. Между тем крестьянские дела проходили не только нижние судебные инстанции, но и целый ряд ведомств, в том числе и церковно-религиозных. Воззрения сельского мира транслировались в официальные органы суда и давали о себе знать. Пути и формы этого влияния не рассматривались. Иерархий представлений крестьянина о праве в повседневности и его месте в системе юридических учреждений – еще одна сторона этой большой темы.

Назрела необходимость разработки новых ее аспектов, например, вопроса о влиянии на юстицию крестьян природно-климатического цикла, хозяйственного календаря. Можно предположить некоторую зависимость числа правонарушений и деятельности органов юстиции от сезонной интенсивности сельскохозяйственного труда. Ведь исполнение решений волостных судов зачастую откладывалось по причине занятости крестьян полевыми работами.

До сих пор ждут своего исследователя такие чрезвычайно интересные сюжеты, как крестьянин в роли судьи или присяжного заседателя; нормы его поведения в судах разных уровней; система доказательств и т.д. Особой, фактически нетронутой темой остается предметный, вещественный мир правосудия. Перспективной является разработка гендерных аспектов права. Не будет полноценной история права и без изучения «неправа», проблемы девиантности и социального контроля, которая поставлена в ряде публикаций лишь в самом общем плане⁹⁵. Правовое пространство русской деревни многомерно и нуждается в адекватных разносторонних, детальных методах изучения как его прошлого, так и настоящего. Крестьянское право – живой, постоянно обновляющийся механизм поддержания баланса между спецификой потребностей сельского общества и унификацией их со стороны государства; процесс постоянного изменения, исчезновения одних и возникновения других норм.

Примечания

¹ Обзор современных правовых концепций дан в статье: *Загоруйко К.Ф.* «Концепции государства и права в период постсоциализма» // *Российское правоведение: первая половина 90-х годов.* М., 1995.

² *Homo Juridicus* (Матер. конф. по юридической антропологии). М., 1997; *Обычное право народов Сибири* (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы). М., 1997; *Обычное право народов России. Библиографический указатель (1890–1998 гг.)*. М., 1998; *Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики.* Ростов-на-Дону, 1999; *Обычное право и правовое плюрализм* (Матер. XI Междунар. конгр. по обычному праву и правовому плюрализму, август 1997 г., Москва). М., 1999; *Человек и право. Книга о Летней школе по юридической антропологии.* М., 1999; *Традиционная нормативная культура, организация власти и экономика народов Северной Евразии и Дальнего Востока.* М., 2000; *Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен.* М., 2000; *Юридическая антропология. Закон и жизнь.* М., 2000; *Ковлер А.И.* *Антропология права.* М., 2002.

³ *Александров В.А.* *Обычное право крепостной деревни России XVIII–XIX в.* М., 1984. С. 36.

⁴ *Александров В.А.* *Отечественная наука XIX – начала XX века об обычном праве в России* // *Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России.* Воронеж, 1983. С. 6–18; *Пушкаренко А.А.* *Обычное право позднефеодальной эпохи* // Там же. С. 18–24.

⁵ Близок по смыслу термин *правовая культура* крестьян, если понимать культуру широко, в духе М. Херсковича, как все созданное человеком, а не природой // *Стефаненко Т.* *Этнопсихология.* Екатеринбург; Москва, 2000. С. 33.

⁶ Ограничение лишь последними десятилетиями объясняется, с одной стороны, активизацией научной мысли в разработке правовой тематики в русле общественно-политических и экономических преобразований в России конца XX в., с другой стороны, наличием глубокого и всестороннего анализа предшествующей дореволюционной и советской историографии по теме, осуществленного В.А. Александровым в работе «Обычное право...».

⁷ Более или менее полные обзоры работ 1960–1970-х годов, посвященных различным вопросам крестьянской общины, содержатся почти во всех монографических работах по теме, изданных в последующие годы: *Александров В.А.* *Сельская община в России (XVII – начало XIX в.)* М., 1976; *Он же.* *Обычное право крепостной деревни России XVIII–XIX в.* М., 1984; *Вдовина Л.Н.* *Крестьянская община и монастырь в Центральной России в первой половине XVIII в.* М., 1988; *Власова И.В.* *Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII–XVIII вв.* М., 1984; *Бакланова Е.Н.* *Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII – начало XVIII в.* М., 1976; *Зольникова Н.Д.* *Сибирская приходская община в XVIII в.* Новосибирск, 1990; *Зырянов П.Н.* *Крестьянская община Европейской России 1907–1914 гг.* М., 1992; *Кабанов В.В.* *Октябрьская революция и крестьянская община.* // *Ист. зап.* М., 1984. Т. 111; *Кучумова Л.И.* *Сельская поземельная община Европейской России в 60–70-е годы XIX в.* // *Ист. зап.* М., 1981. Т. 106; *Милов Л.В.* *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса.* М., 1998; *Миненко Н.А.* *Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX в.* Новосибирск, 1991; *Прокофьева Л.С.* *Крестьянская община в России во второй половине*

XVIII – первой половине XIX в. Л., 1982. Кроме того, написаны и специальные историографические обзоры: *Горюшкин Л.М., Миненко Н.А.* Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984; *Исхак Х.М.* Проблема общины в советской историографии. М., 1985; *Никулин В.Н.* Русская крестьянская община второй половины XIX в. в советской историографии // Историография аграрной истории дореволюционной России. Калининград, 1982. Краткое обобщение историографических направлений по интересующей нас теме см.: *Амосов А.П.* К вопросу об историографии правовой культуры крестьянства // Матер. XXIX Всесоюз. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 1991.

⁸ *Александров В.А.* Сельская община...

⁹ *Александров В.А.* Обычное право.... С. 244.

¹⁰ *Вдовина Л.Н.* Указ. соч. С. 211.

¹¹ «Если в Поморье порядок пользования угодьями в общем полевом клине, сроки высева и жатвы, одинаковость севооборота были очень важны для ведения трехпольного хозяйства и поэтому регулировались общиной, то в Сибири способ хозяйства выбирали сами крестьяне, при делении пашни на смены там не было принудительных севооборотов. Твердые севообороты устанавливались только на ближних полях с государевой десятинной пашней» (*Власова И.В.* Традиции крестьянского землепользования... С. 138).

¹² *Милов Л.В.* Указ. соч. С. 421.

¹³ *Прокофьева Л.С.* Указ. соч. С. 20.

¹⁴ Там же. С. 31.

¹⁵ Там же. С. 138.

¹⁶ Там же. С. 211.

¹⁷ *Анфимов А.М., Зырянов П.Н.* Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861–1914 гг.) // История СССР. 1980. № 4. С. 32–34.

¹⁸ Там же. С. 33.

¹⁹ *Кучумова Л.И.* Сельская община в России (вторая половина XIX в.) // Новое в жизни, науке, технике. Сер. «История». М., 1992. № 1. С. 6–7.

²⁰ *Вронский О.Г.* Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. М., 1999.

²¹ Там же. С. 27.

²² Там же. С. 114.

²³ Вопрос о собственности на землю – животрепещущая тема в историографии второй половины XIX в. – недавно вновь стал предметом повышенного внимания в связи с реформированием российской экономики. См.: Представления о собственности в российском обществе XV–XVIII вв. М., 1998; Собственность в XX столетии. М., 2001.

²⁴ *Александров В.А.* Обычное право... С. 102–103.

²⁵ *Власова И.В.* Указ. соч. С. 119.

²⁶ Там же. С. 140. Эта концепция о специфическом развитии «государственного феодализма» в условиях Сибири доминирует в сибиреведческих трудах. Правда, следует отметить расхождения среди исследователей в оценках феодальной зависимости сибирских крестьян от приписывания им «крепостного» состояния до наличия «свободного мелкокрестьянского уклада», подробно рассмотренные в историографии Сибири дооктябрьского периода. См.: *Горюшкин Л.М., Миненко Н.А.* Указ. соч. С. 57–75, 151–197.

²⁷ *Александров В.А.* Обычное право... С. 244.

²⁸ *Вдовина Л.Н.* Указ. соч. С. 209.

²⁹ *Милов Л.В.* Указ. соч. С. 563.

³⁰ *Прокофьева Л.С.* Указ. соч. С. 109–111.

³¹ Там же. С. 125.

³² *Зырянов П.Н.* Указ. соч. С. 61–62.

³³ *Анфимов А.М., Зырянов П.Н.* Указ. соч. С. 32.

³⁴ *Вронский О.Г.* Указ. соч. С. 66.

³⁵ *Миронов Б.Н.* Социальная история России. Т. 1–2. СПб., 1999.

³⁶ Российский старый порядок: опыт исторического синтеза // Отечественная история. 2001. № 6.

³⁷ *Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т. I. С. 447.

³⁸ Там же. С. 464.

³⁹ *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.

⁴⁰ *Герасименко Г.А.* Земское самоуправление в России. М., 1990; *Лантева Л.Е.* Земские учреждения в России. М., 1993; *Она же.* Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX в.). М., 1998; *Лантева Л.Е., Шутов А.Ю.* Из истории земского, городского и сословного самоуправления в Рос-

лин. М., 1999; *Еремян В.В., Федоров М.Ф.* Местное самоуправление в России. М., 1998; *Постовой Н.В.* Местное самоуправление: история, теория, практика. М., 1995.

⁴¹ *Жидков О.А.* Некоторые теоретические проблемы науки всеобщей истории государства и права // *Методология историко-правовых исследований.* М., 1980; *Скрипилев Е.А.* Источниковедение истории государства и права дореволюционной России: проблемы и перспективы // *Источниковедение истории государства и права дореволюционной России.* Иркутск, 1983.

⁴² *Писарькова Л.Ф.* Развитие местного самоуправления в России до великих реформ: обычай, повинность, право // *Отечественная история.* 2001. № 2–3.

⁴³ *Кислягина Л.Г.* Канцелярия статс-секретарей при Екатерине II // *Государственные учреждения России XVI–XVIII вв.* М., 1991. С. 186; *Козлова Н.В.* Коммерц-коллегия в 20–50-х годах XVIII в. // *Там же.* С. 159–160.

⁴⁴ *Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С.* История государственной службы в России XVIII–XX в. М., 1999. С. 84–85.

⁴⁵ Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.). Кн. 1. М., 1996; Кн. 2. М., 1999; Кн. 3. М., 2001; Кн. 4. М., 2001; Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. I. СПб., 1998. Последний представляет собой чрезвычайно ценный путеводитель в поиске информации не только о полномочиях, функциях, структуре и руководящем составе государственных органов власти, но и о месте хранения соответствующих архивных фондов и комплексов документов этих учреждений.

⁴⁶ *Корнева Н.М.* Судебные преобразования пореформенной России в советской историографии // *Правоведение.* 1985. № 4. С. 86–91.

⁴⁷ *Ефремова Н.Н.* Судоустройство России в XVIII – первой половине XIX вв. (историко-правовое исследование). М., 1993.

⁴⁸ *Коротких М.Г.* Судебная реформа 1864 года в России (сущность и социально-правовой механизм формирования). Воронеж, 1994.

⁴⁹ *Ефремова Н.Н.* Министерство юстиции Российской империи. М., 1983; *Казанцев С.М.* Судебная реформа 1864 г. и реорганизация прокуратуры // *Государственное управление и право: история и современность.* Л., 1984; *История царской прокуратуры.* СПб., 1993; *Черкасова Н.В.* Формирование и развитие адвокатуры в России. 60–80-е годы XIX в. М., 1987; *Власов В.И., Гончаров Н.Ф.* История розыскного процесса в России (законодательство и практика). Домодедово, 1997; *Сизиков М.И., Борисов А.В., Скрипилев А.Е.* История полиции России (1718–1917 гг.). М., 1992.

⁵⁰ Великие реформы в России. 1856–1874 гг. М., 1992; *Верецагина А.В.* Реформа уголовной юстиции 1864 г. и ее значение для преобразования уголовного процесса РФ. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993; *Демичев А.А.* История российского суда присяжных. (Историко-социальное исследование). Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 1997; *Попова А.Д.* Реализация судебной реформы 1864 г. (по материалам округа Московской судебной палаты): 1864–1881 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

⁵¹ *Миненко Н.А.* Традиционные формы расследования и суда у русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // *Сов. этнография.* 1980. № 5.

⁵² *Долженко И.В.* Сельский суд русских крестьян Ереванской губернии (конец XIX – начало XX в.) // *Историко-филологический журнал Академии наук Армянской ССР.* 1989. № 3.

⁵³ *Тарабанова Т.А.* Правосознание пореформенного крестьянства: обычно-правовое регулирование хозяйственной деятельности // *Аграрные технологии в России IX–XX вв.* Матер. XXV сессии Симп. по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999. С. 225–229.

⁵⁴ *Земцов Л.И.* Волостные суды Центрального Черноземья в начале 70-х годов XIX в. // *Вехи минувшего.* Уч. зап. исторического факультета Липецкого гос. пед. ун-та. Липецк, 2000; *Коновалов Ф.Я.* Документы волостных судов как источник по истории крестьянства второй половины XIX – начала XX в. (по материалам ГАВО) // *Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии.* Вологда, 1995; *Крюкова С.С.* Брачно-семейные взаимоотношения крестьян по документам судопроизводства // *Этнография и фольклор Рязанского края.* Рязань, 1996; *Тарабанова Т.Н.* Состав волостных судов // *Вест. МГУ.* Сер. 8. 1993. № 2; *Она же.* Судебно-правовая культура крестьян пореформенной России (по материалам волостных судов) // *Россия и реформы.* Вып. 2. М., 1993; *Она же.* Правосознание пореформенного крестьянства...; *Шатковская Т.В.* Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX в.: опыт юридической антропометрии. Ростов-на-Дону, 2000.

⁵⁵ *Кузнецов С.В.* Обычное право в русской деревне и государственное законодательство во второй половине XIX в. // *Этнограф. обозрение.* 1999. № 5. С. 107; *Шатковская Т.В.* Указ. соч. С. 206.

⁵⁶ *Земцов Л.И.* Указ. соч. С. 81; *Кучумова Л.И.* Указ. соч. С. 47.

⁵⁷ *Вдовина Л.Н.* Право и суд // *Очерки русской культуры XVIII в.* М., 1987. С. 179.

⁵⁸ *Томсинов В.А.* Правовая культура // *Очерки русской культуры XIX в.* Т. 2. Власть и культура. М., 2000. С. 157.

⁵⁹ Там же. С. 158.

- ⁶⁰ Шатковская Т.В. Указ. соч. С. 208.
- ⁶¹ Долженко И.В. Указ. соч. С. 168.
- ⁶² Тарабанова Т.Н. Судебно-правовая культура... С. 52.
- ⁶³ Кузнецов С.В. Указ. соч. С. 106.
- ⁶⁴ Земцов Л.И. Волостные суды... С. 78–79.
- ⁶⁵ Шатковская Т.В. Указ. соч. С. 165–173.
- ⁶⁶ Вронский О.Г. Указ. соч. С. 116.
- ⁶⁷ Буков В.А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М., 1997. С. 3.
- ⁶⁸ Афанасьев А.К. Присяжные заседатели в России. 1866–1885 гг. // Великие реформы в России 1856–1874. М., 1992. С. 190, 192.
- ⁶⁹ Буков В.А. Указ. соч. С. 154.
- ⁷⁰ Тарабанова Т.Н. Правосознание крестьянства... С. 231.
- ⁷¹ Возможно, по этой причине даже в новейших фундаментальных трудах, посвященных русскому народу, юридические традиции крестьян получили несколько одностороннее освещение. Рассмотрены были лишь хозяйственно-административные функции общины и семейно-имущественные отношения. См.: Русские. М., 1997. С. 416–435, 533–540; Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX века. М., 2001.
- ⁷² Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 273.
- ⁷³ Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 5.
- ⁷⁴ Среди последних крупных работ М.М. Громыко – совместный труд, написанный в соавторстве с А.В. Бугановым. См.: Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000.
- ⁷⁵ Кузнецов С.В. Указ. соч.; *Он же*. Нравственность и религиозность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. М., 2001; *Он же*. Грех, преступление и наказание в сознании русских (к проблеме: Православие и обычное право в русской деревне XIX – начала XX в.) // Ист. вест. 2001. № 2–3 (13–14); Матер. междунар. научного симп. «Православие и культура этноса» (Москва, 9–13 октября 2000 г.). Москва; Воронеж, 2001.
- ⁷⁶ Кузнецов С.В. Нравственность и религиозность... С. 170.
- ⁷⁷ Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России. М., 2002. С. 77–135.
- ⁷⁸ Вронский О.Г. Указ. соч. С. 138.
- ⁷⁹ Пушкирев Л.Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII–XVIII вв. М., 1994.
- ⁸⁰ Материалы симпозиума были опубликованы в сб.: Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983.
- ⁸¹ Камкин А.В. Крестьянское правосознание и правотворчество по материалам второй половины XVIII века // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С. 53.
- ⁸² В ряду наиболее крупных работ следует назвать следующие исследования: Л.Т. Сенчакова. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М., 1989; *Она же*. Приговоры и наказания российского крестьянства 1905–1907 гг. По материалам центральных губерний. М., 1994; Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX в.: новые материалы, методы, результаты. М., 1996.
- ⁸³ Литвак Б.Г. Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг. История и методика изучения источников. М., 1989.
- ⁸⁴ Буганов А.В. Царь и отечество. Национальное самосознание // Громыко М.М., Буганов А.В. Указ. соч.; Белявский М.Т. Однодворцы Черноземья. М., 1984; Миненко Н.А. «Великий князь» Данило Петров сын Тяжелков: феномен самозванчества и социальная психология уральского крестьянства в начале реализации реформы 1861 г. // Социально-политические институты провинциальной России (XVI – начало XX вв.). Челябинск, 1993; Побережников И.В. Дело «об оскорблении императорской чести» (к вопросу о народной политической культуре урало-сибирского региона России первой половины XIX в.) // Там же; Покровский Н.Н. Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII – середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982.
- ⁸⁵ Побережников И.В. Слухи в социальной истории: типология и функции. Екатеринбург, 1995.
- ⁸⁶ Белявский М.Т. Указ. соч. С. 72.
- ⁸⁷ Бокарев Ю.П. Бунт и смирение (крестьянский менталитет и его роль в крестьянских движениях) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Матер. междунар. конф. Москва, 14–15 июня 1994 г. М., 1996. С. 167.

⁸⁸ Первые шаги российских исследователей в этом направлении освещены А.А. Вилковым и Л.Н. Пушкаревым: *Вилков А.А.* Менталитет крестьянства и российский политический процесс. Саратов, 1997; *Пушкарев Л.Н.* Человек о мире и самом себе. Источники об умонастроениях русского общества рубежа XVII–XVIII вв.). М., 2000.

⁸⁹ Менталитет и аграрное развитие...

⁹⁰ *Пушкарев Л.Н.* Человек о мире... С. 58–80.

⁹¹ *Вилков А.А.* Указ. соч.

⁹² Там же. С. 60.

⁹³ *Миронов Б.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 303–304.

⁹⁴ *Маркс К.* Критика Готской программы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 19.

⁹⁵ Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000.

S.S. K r i u k o v a. Juridical Culture of the Russian Peasants in Russia of the XIXth c.: Problems, Interpretations

The legal culture of the Russian peasants of the two last decades of the XIXth c. is the object of the article. The family and peasant community had been the main focus of the research at the time. The degree of community's freedom as an administrative unit and the factors, influencing that freedom, are discussed. The peasants' customary law in the context of local self-government and governmental reforms are taken into consideration. Customary law, peasants' justice, their legal culture and morals are treated in the historical context.